

Сладкая Арман

ЖАРКИЕ ПОПУТЧИКИ

18+

Сладкая Арман

Жаркие попутчики

<https://litres.ru/74670689>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я застала его в постели с другой. В день нашей годовщины. В новом платье, которое я купила ради него. Он назвал меня бревном. Стылой рыбой. Женщиной, которая ничего не чувствует. Я схватила сумку и сбежала на ночной поезд к бабушке, в глухую деревню. Подальше от города и от этих слов, которые никак не выходили из головы. Но в моём купе оказались попутчики. Тёмный, с тяжёлым взглядом и опасной усмешкой. И светлый, с тёплыми руками и бесконечным терпением. Бутылка шампанского, слишком откровенный разговор, запертая дверь Я думала, что знаю о себе всё. Что во мне ничего разбудить. Но ночь в пути длинная. Полка узкая. А они очень хотели проверить, правда ли я такая, как называл он.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сладкая Арман

Жаркие попутчики

Глава 1

Над вокзалом давно опустилась ночь, когда таксист затормозил у бордюра и обернулся ко мне через плечо.

— Девушка, вы точно на поезд? Может, вас лучше в ресторан отвезти? В таком-то наряде.

Я сунула ему деньги, не дожидаясь сдачи, вытащила с заднего сиденья сумку и выбралась под мелкую октябрьскую морось. Каблуки сразу поехали на мокрой плитке. Подоло алого длинного платья тут же намок и прилип к щиколоткам, меня обдало сырым ветром, проникая через пальто. Это было так остро, что на секунду захотелось разреветься прямо на глазах у носильщиков. Я стиснула зубы, перехватила лямку и пошла к кассам. Последнее свободное место осталось в купе «Люкс» на ночной поезд в сторону бабушкиной Липовки. В зале ожидания толпились мокрые куртки, из ларька тянуло жареными пирожками, и от этого меня замутило. Я прошла сквозь рамку металлоискателя, позволила охраннику провести по мне жезлом и вышла на перрон.

Поезд уже стоял. Длинный, тёмно-синий, с золотистыми полосами под окнами, он тянулся вдоль платформы куда-то в ночь, и почти во всех купе горел приглушённый свет. Я дошла до своего вагона и протянула проводнице билет и паспорт. Она изучала их с таким усердием, словно надеялась найти ошибку и избавиться от меня. Я её понимала. Перед

ней стояла растрёпанная девица в мокром атласном платье до пят, с потёками туши под глазами, которые я не успела стереть. Таких принимают за сбежавших невест или за тех, кого выставили с чужой свадьбы за скандал.

Наконец она пропустила меня внутрь. Я полезла в тамбур, путаясь каблуками в подоле, и чуть не упала на железной ступеньке. Ухватилась за поручень, ледяной и скользкий, выпрямилась и пошла по вагону. Коридор тянулся узкой бордовой дорожкой, на окнах висели плотные шторы с бахромой, под ногами пружинил ковёр. Над дверями купе горели латунные номерки.

Платье, которое было сейчас на мне, стоило половину зарплаты. Я целую вечность крутилась перед зеркалом в примерочной, а продавщица, цокала языком и приговаривала, что с такой фигурой грех носить джинсы. Я смеялась и представляла, как Стас посмотрит на меня. Как вечером он будет расстёгивать молнию на моей спине, а я буду дурачиться и уворачиваться. Годовщина. Я отпросилась с работы пораньше. Открыла дверь ключом. В прихожей стояли чужие ботильоны на шпильке, красные, лакированные.

Я помню, как застыла над ними. Сестра? У Стаса нет сестры. Соседка зашла за солью? Соседки не разуваются, чтобы взять соль. А из спальни донёсся смех, высокий, грудной, с повизгиванием, и он перешёл в стон. Красться я не стала. Прошла через гостиную, и распахнула дверь спальни.

Лера из его отдела. Я видела её на новогоднем корпорати-

ве, мы даже чокались, и она говорила, что у меня роскошные волосы и что она тоже мечтает отрастить такие. Её собственные, рыжие и мелко завитые, сейчас рассыпались по моей подушке. Стас дёрнулся, сполз с неё и схватил одеяло. Я ещё успела заметить, какое у него стало лицо: растерянное, с открытым ртом.

Самое мерзкое случилось дальше. Какое-то время он лепетал, что это не то, что я думаю, что она просто зашла, что всё вышло само собой. А потом натянул джинсы, застегнул ширинку и передумал оправдываться.

— А чего ты хотела, Ника? — Он заговорил громко, рублеными фразами, как если бы это я влезла в чужую постель. — Ты себя со стороны видела? С тобой спать — как с бревном. Лежишь и ждёшь, когда всё закончится. Рыба стылая. Я год ждал, что ты оттаешь. Ты вообще хоть что-нибудь чувствуешь? Хоть раз за всё время чувствовала?

Лера, кутаясь в клетчатый плед, отвела глаза. Ей было неловко. В голове сделалось пусто и гулко, кто-то выкрутил звук до нуля. Я развернулась, вытащила с антресолей дорожную сумку и покидала туда бельё, джинсы, свитер, зарядку и косметичку.

Он что-то кричал мне в спину. Я не слушала. Хлопнула дверью, вызвала такси уже на лестнице. Бабушке звонить не стала. Решила не беспокоить её заранее. Лучше потом все расскажу сразу.

Бревно. Рыба. Стылая. Он подбирал слова со вкусом, это

я тоже запомнила. И больнее всего было то, что я ему почти поверила. С ним у меня в постели и правда ничего толком не выходило. Я старалась изо всех сил. Покупала кружево, читала статьи, пробовала то, что там советовали, изображала стоны и закрывала глаза в нужный момент. Ждала, что вот сейчас накроет, как пишут в романах. А накрывало только скукой и желанием поскорее сбежать в душ. До Стаса был ещё Костя, однокурсник, и с ним выходило точно так же. Я давно решила, что со мной что-то не так. Что меня собрали без какой-то важной детали. Даже записалась к врачу и отменила запись в последний момент, потому что не представляла, как произнести это вслух.

Седьмое купе нашлось в середине вагона. Дверь была прикрыта неплотно, из щели на ковёр падала полоса тёплого света, и оттуда доносились мужские голоса, негромкий смех, звяканье ложечки о стекло. Я остановилась. Мне до смерти захотелось, чтобы там ехала пожилая пара, или мать с ребёнком, или хотя бы одинокая учительница с кроссвордом. Кто угодно, кто не станет на меня смотреть. Я выдохнула, поправила лямку сумки и откатила створку.

Купе было похоже на шкатулку. Настенный светильник с плиссированным абажуром заливал его медовым светом, бархат бордовых диванов отливал вишней, полированное дерево блестело, на латунных поручнях дрожали блики. На столике у окна стоял чай в гранёном стакане с серебряным подстаканником, лежал потёртый кожаный чемоданчик

с медными уголками. А на диванах, друг напротив друга, сидели двое мужчин, и при моём появлении оба замолчали и подняли головы.

Первый, ближний к двери, был тёмный. Чёрные кудри в беспорядке падали ему на лоб, лицо заросло густой щетиной, рубашка тёмного шоколадного цвета была расстёгнута на пару пуговиц у ворота, рукава закатаны до локтей. Руки загорелые, крупные, с выпуклыми венами, на запястье поблёскивали массивные часы. Взгляд прищуренный, тяжёлый, исподлобья. Он прошёлся по мне глазами от распахнутого ворота на груди до мокрого подола и обратно и не потрудился этого скрыть.

Второй, у окна, был светлым, словно его подобрали нарочно для контраста. Пшеничные волосы, растрёпанные и длинноватые, высокие скулы. Чёрный свитер крупной вязки с высоким воротом. Глаза серо-голубые, спокойные, и в них пряталась какая-то добродушная насмешка.

— Доброй ночи, — выдавила я. — Кажется, я ваша соседка. По билету у меня здесь нижняя полка.

— Нижняя полка ваша вот эта, — отозвался светлый и кивнул на диван под собой. — Я на неё забрался, пока никто не пришёл. Простите, сейчас освобожу.

Он поднялся, и роста в нём было столько, что макушкой он едва не задел багажную полку. Сгрёб с дивана книгу в мягкой обложке, телефон, скомканную куртку и закинул всё наверх одним движением, не глядя.

— Матвей, — представился он. — А это Глеб. Он не кушается, хотя по нему так сразу и не скажешь.

— Кусаюсь, — лениво возразил тёмный. — Но исключительно по выходным и исключительно тех, кто напрашивается.

— Сегодня пятница.

— Значит, почти выходной. Пусть девушка будет начеку.

Я не нашлась, что на это ответить, и протиснулась к своему месту. Купе и без меня было тесным для двух таких мужчин, а теперь в нём стало не повернуться. Колени Глеба торчали в проход, и он не подумал их подвинуть, так что мне пришлось перешагивать, придерживая подол. Я сняла пальто, повесила его на крючок, задвинула сумку под диван и, разгибаясь, почувствовала его взгляд на своей спине. Платье было с открытыми лопатками, держалось на двух тонких бретелях, и я ощутила себя раздетой посреди многолюдной площади.

— Ника, — бросила я, опускаясь на бархат, просто чтобы прервать это молчаливое разглядывание.

— Красивое имя, — Матвей устроился напротив, вытянул длинные ноги. — Вам идёт. А платье идёт ещё больше. Вы с какого-то торжества?

— С похорон.

Это вырвалось само. Оба замолчали, и Глеб чуть приподнял густую бровь.

— Соболезную, — серьёзно отозвался Матвей.

— Не стоит. — Я отвернулась к окну и уставилась в своё отражение. — Покойник жив, здоров и сейчас, наверное, допивает с новой подружкой шампанское, которое я купила к нашей годовщине. Так что соболеznовать некому. Просто я его для себя похоронила. Час назад. Без отпевания.

Поезд дёрнулся, лязгнул сцепками, и вокзал поплыл: жёлтые фонари, мокрый перрон, носильщик с тележкой, вокзальные шпили с подсветкой. Следом мелькнула набережная, длинная цепочка огней над чёрной водой, мост с бегущими по нему машинами. Над крышами старого города висела белая луна, круглая и равнодушная. Я не сводила с неё глаз, потому что иначе пришлось бы встречаться взглядом с попутчиками.

Глеб хмыкнул.

— Шампанское к годовщине — дело серьёзное, — протянул он. — Выходит, он вам изменил, вы застали и сбежали.

— Глеб, — укоризненно одёрнул его Матвей.

— Что? Я же угадал. По лицу видно. — Тёмный подался вперёд, упёрся локтями в колени и очутился совсем близко. От него веяло крепким табаком, кожей и чем-то пряным, древесным. — Простите мне мою прямоту, Ника. Ходить вокруг да около я так и не научился. Если хотите, чтобы я заткнулся, скажите прямо, и я буду молчать до самой вашей станции.

Я хотела кивнуть, но почему-то не сделала это.

— Идиот, — коротко припечатал Глеб.

— Кто именно? — не удержалась я.

— Ваш покойник. Променять женщину, которая ради него надела такое платье. — Он откинулся на спинку дивана и закинул руку на её край. — Я вот за всю жизнь ни одной не встречал, которая бы для меня так расстаралась.

— Потому что ты невыносим, — заметил Матвей.

— Поэтому и не встречал. Зато честно.

Я неожиданно для самой себя фыркнула. Смех вышел нервным и рваным, но это всё же был смех, и Матвей его тут же подхватил, улыбнулся шире, и на одной его щеке проступила ямочка.

— Ну вот, — удовлетворённо произнёс он. — Значит, не всё потеряно. Пациент скорее жив.

— Вы врач?

— Боже упаси. Я строитель. Мы с Глебом вдвоём держим маленькую фирму, мосты ремонтируем, дороги, всё, что разваливается. Едем на объект, на самый север, почти до конечной. Глеб раньше служил следователем, но ему надоело, что преступники разговаривают с ним невежливо. Решил, что с бетоном договориться проще.

— С бетоном точно проще, — подтвердил тёмный. — Бетон не врёт.

— А люди врут? — спросила я.

— Люди, Ника, врут всегда. — Глаза у него сделались острыми и цепкими. — Особенно когда их ловят без штанов.

Я вспыхнула. Дверь откатилась, в проёме возникла про-

водница с пачкой белья в руках.

— Постель берём? — Она скользнула взглядом по нам и задержалась на моём платье дольше, чем было прилично. — Чай, кофе, печенье?

— Нам бы бокалы, — Глеб даже не обернулся. — Если есть. Если нет, давайте стаканы.

— Стаканы есть.

— Тогда на всех.

Я вздрогнула. Он произнёс это так, будто меня уже записали в компанию и спрашивать моего мнения не собираются. Проводница положила бельё на край моего дивана, выставила на стол стаканы в серебряных подстаканниках и ушла, оставив после себя ощущение, что она давно обо всём догадалась и всё это решительно не одобряет.

— Я не пью, — соврала я.

— Совсем? — Матвей вскинул светлые брови.

— Сегодня не пью. Боюсь, что если начну, то уже не остановлюсь.

— А по-моему, сегодня как раз надо, — возразил Глеб. — Поминки — дело святое, без них душа неуспокоенной бродить будет. Вам нужен призрак бывшего в доме?

— Он и живой мне не нужен.

— Тем более.

Он наклонился, вытащил из-под дивана спортивную сумку, рванул молнию и достал бутылку. Тёмное стекло, золотая фольга, этикетка с витиеватым вензелем.

— Откуда она у вас?

— Везли другу, — объяснил Матвей. — У него сын родился, первенец. Только он уже на радостях опустошил все запасы в своём городке, и наша бутылка ему теперь без надобности. Так что мы её спасаем.

— От чего?

— От бессмысленной жизни в багаже. Представляете, каково шампанскому ехать на север и так и не узнать, ради чего его делали?

Я покачала головой. Всё это было абсурдно. Двое незнакомых мужчин, ночь, поезд, я в вечернем платье с размазанной тушью. В любой другой день я бы вежливо улыбнулась, растелила постель, забралась под одеяло, отвернулась к стене и пролежала до утра. В любой другой день я была бы правильной Никой, аккуратной и осторожной, которая всегда знает, что можно, а чего нельзя. Той самой Никой, с которой спать — как с бревном. Под рёбрами кольнуло. Глупо, но так остро, что я выпрямила спину.

— Знаете что, — произнесла я. — Наливайте.

Глеб широко улыбнулся. Улыбка у него вышла неожиданно юношеской и совсем не вязалась с его хмурым видом. Он содрал фольгу, скрутил проволоку, и я невольно засмотрелась на его пальцы: двигались они ловко, без лишней суеты, открывать бутылки явно было его вторым ремеслом.

— Только не в лицо, — предупредил Матвей и на всякий случай отодвинул свой чай подальше.

— Обижаешь. Я же профессионал.

Пробка вышла с мягким вздохом, без выстрела, из бутылки потянулся белёсый дымок. Глеб разлил по стаканам, пена поднялась шапкой, зашипела и осела, и первый он протянул мне.

Подстаканник был тяжёлым и тёплым от его ладони, по серебру вилась тонкая чеканка: листья, виноградные грозди, крохотная птичка. Пузырьки бежали со дна и лопались у самого края. Я следила за ними и думала о том, что, наверное, Стас тоже открыл бутылку. Мою. И Лера пьёт из моего хрустального бокала.

— За что пьём? — спросил Матвей. Он держал свой стакан на весу и не торопился.

— За похороны, — Глеб поднял свой. — Земля ему стекловатой.

Матвей поперхнулся смехом. Я тоже рассмеялась, на этот раз по-настоящему, и смех вдруг перешёл в слёзы, горячие и неудержимые. Они хлынули сами, я не успела отвернуться, стакан задрожал в пальцах, и шампанское плеснуло мне на колени, расплылось тёмным пятном по алому атласу.

— Простите, — всхлипнула я. — Простите меня, пожалуйста, мне надо выйти, я испорчу вам весь вечер.

Выйти мне не дали. Матвей пересел ко мне, мягко забрал стакан, поставил его на столик, обнял меня за плечи и притянул к себе. Я уткнулась лицом в его свитер. Шерсть колола щёку и грела, в ней прятались мороз, хвоя и что-то цитрусо-

вое. Он не произносил ни слова, только держал. А с другой стороны на мою спину легла широкая ладонь Глеба, легла и осталась там, тяжёлая и горячая, прямо на голой коже между лопатками.

Я рыдала некрасиво, со всхлипами и икотой, так, как не позволяла себе никогда. Поезд стучал колёсами, вагон покачивало на стыках, и меня покачивало вместе с ним, между двумя чужими мужчинами, которые зачем-то решили меня пожалеть.

Потом слёзы иссякли. Я отстранилась, Матвей протянул мне бумажную салфетку. На его свитере остались чёрные разводы туши.

— Испортила, — виновато пробормотала я.

— Переживёт, — отмахнулся он. — Это самый живучий свитер на свете. Он прошёл со мной огонь и воду.

— И медные трубы, — добавил Глеб.

— Медные трубы проходил ты, и свитер на тебе был синий, и ты его прожёл сигаретой. Не путай.

Я снова засмеялась, всхлиывая, и на душе стало легко. Пусто и чисто, как бывает после грозы, когда всё вокруг вымыто до блеска. Ладонь Глеба всё ещё лежала у меня на спине, он не убирал её, а я не просила. От неё по коже расходилось тепло, тягучее, как мёд, и я поняла, что совсем не хочу, чтобы он её убирал.

— Вот, — Глеб взял мой стакан, долил доверху и снова вложил мне в пальцы. — Слёзы надо запивать, иначе они

возвращаются. Так говорила моя бабка.

— Ты её никогда не видел, — напомнил Матвей. — Она умерла до твоего рождения.

— Зато какие о ней ходят легенды. Она пила наливку, гоняла деда коромыслом и ни разу в жизни не плакала.

Я сделала глоток. Шампанское было колючим, оно ударило в нёбо и тут же разлилось теплом по груди. Второй глоток дался легче, а потом я опустошила полстакана разом, и голова сделалась приятно невесомой. Глеб и Матвей переглянулись. Короткий обмен, как пас между игроками одной команды, но я его заметила.

— Так за что вас похоронили, Ника? — Тёмный упёрся затылком в стену и вытянул ноги, его колено коснулось моего бедра сквозь мокрый атлас. — Что он вам такого выдал, когда вы его застукали? Я ведь вижу, дело не в другой бабе. Плакали вы вовсе не из-за неё.

Я застыла со стаканом у губ. Откуда он знает? Как он мог такое разглядеть?

— Бывший следователь, — напомнил Матвей, словно прочёл мой вопрос. — Простите его. Он не нарочно, у него это само.

— Я не прошу прощения, — возразил Глеб, не сводя с меня тёмных глаз. — Я жду ответа.

Поезд нырнул под мост, свет мигнул, абажур качнулся, и тень от его ресниц упала на скулы. Я допила шампанское одним махом и опустила пустой стакан на стол так резко, что

звякнул подстаканник.

— Он заявил, что я бревно, — проговорила я. — Стылая рыба. Что я ничего не чувствую в постели и никогда не чувствовала. Вот за что меня похоронили. Довольны?

Матвей перестал улыбаться. Глеб неторопливо взял бутылку, налил мне до краёв и только тогда поднял глаза.

— А вы сами в это верите? — негромко спросил он, и от этого низкого голоса мне вдруг стало жарко. — Что вы ничего не чувствуете?

Я хотела ответить, что да, верю, что Стас прав, что с этим ничего не поделать и что я давно смирилась. Но ладонь Матвея опустилась мне на колено поверх атласа, а Глеб протянул руку и подушечкой большого пальца стёр с моей щеки последнюю влажную дорожку. Его палец задержался на коже на мгновение дольше, чем было бы прилично, скользнул к уголку губ и замер там. Я не отстранилась. И по тому, как потемнели у обоих глаза, поняла, что они это заметили.

Глава 2

Глеб убрал палец с моих губ не сразу. Подержал ещё мгновение, словно запоминал, и лишь тогда откинулся на бархатную спинку. А мне сразу стало его не хватать. Глупость какая. Час назад я не знала, как этого человека зовут, а теперь уголок рта горел там, где лежала его рука, и требовал, чтобы она вернулась.

— Ну? — Он ждал, чуть склонив голову набок. — Верите или нет?

— Не знаю, — честно призналась я. — Раньше верила. Он ведь у меня не первый. До него был однокурсник, и с ним всё было так же. Я старалась, правда старалась. Читала, пробовала, изображала. А в сердце пусто. Как если бы всё это происходило с какой-то другой женщиной, а я наблюдаю из угла и жду, когда можно будет уйти в душ.

Ладонь Матвея на моём колене шевельнулась. Большой палец прочертил по атласу короткую дугу и замер, и я ощутила это движение так ясно, словно между нами не было никакой ткани.

— Изображала, значит, — протянул Глеб. — А он, конечно, ничего не замечал целую вечность, а сегодня внезапно прозрел. Удобно, когда тебя ловят с чужой бабой.

— К чему ты клонишь?

Я и не заметила, как перешла с ним на «ты». Он заметил.

Уголок его рта дёрнулся.

— К тому, что мужик, который за всё это время не нашёл, где у женщины включается свет, обычно винит проводку. — Он усмехнулся. — Мы с Матвеем однажды снимали квартиру на объекте, где весь вечер не горела лампа в коридоре. Хозяин божился, что проводка сгнила, предлагал вызвать электрика из райцентра. А там надо было просто вкрутить лампочку как следует. До упора.

Матвей фыркнул, и его смешок отозвался во мне где-то под рёбрами, тёплый и щекотный.

— Он хочет сказать, — пояснил светлый, наклоняясь ко мне так близко, что я разглядела золотистые искры в его щетине, — что дело, скорее всего, совсем не в вас.

— Вы меня совсем не знаете.

— Пока не знаем, — согласился Матвей. — Но поезд идёт до утра, а потом ещё целый день. У нас уйма времени.

— А вам-то это зачем? — Я покачала головой. — Возиться с зарёванной незнакомкой. Ехали себе спокойно, пили чай, а тут я.

— Затем, что мне знакома эта история, — неожиданно серьёзно отозвался Матвей. — Только с другой стороны. Жена ушла от меня к своему фитнес-тренеру, а на прощание объяснила, что я скучный. Предсказуемый, как расписание электричек. Я полгода проверял каждое своё слово, каждый жест: не скучно ли. Чуть с ума не сошёл.

— И как? Проверили?

— Глеб проверил, — светлый кивнул на друга. — Вытащил меня на объект в тайгу, где на сотню километров ни одного фитнес-клуба, и заставил жить. Через месяц я уже забыл, как её звали.

— Врёт, — лениво вставил Глеб. — Помнит. Но больше не верит ни одному её слову. Вот и ты не верь.

Я засмеялась, и смех вышел уже без слёз.

— А тебя кто бросал? — спросила я у Глеба.

— Меня не бросают. — Он сверкнул глазами. — Я сам ухожу, раньше, чем мне успеют что-нибудь объяснить. Матвей считает, что это трусость. Я считаю, что экономия времени.

Матвей не отводил глаз. Серо-голубые, спокойные, они держали меня крепче, чем рука на колене. Я отпила из стакана, ещё и ещё, и поняла, что больше не боюсь. По телу разливалось шипучее тепло, мысли сделались прозрачными, как вода в бабушкином колодце, и на самом дне этой воды лежала одна-единственная, ясная и твёрдая, как речной глыш. Если я сейчас расстелю постель и отвернусь к стенке, то так и останусь той, кем меня назвал Стас. Навсегда. Буду носить это слово, как клеймо, каждому следующему мужчине заранее извиняться и ждать, когда он тоже разочаруется. Я поставила стакан на стол.

— Знаете, что меня бесит больше всего? — Голос мой звучал неожиданно ровно. — Не рыжая. И даже не то, что это случилось в нашей постели. Меня бесит, что я ему пове-

рила. Сразу, с полуслова. Он открыл рот, и я тут же согласилась. Потому что сама думала так же. Много лет.

— А теперь? — тихо спросил Матвей.

— А теперь я сижу в поезде с двумя чужими мужиками, в мокром платье, пьяная и зарёванная, и мне впервые за весь вечер хочется доказать, что он врал.

Глеб замер с бутылкой в руке. Матвей перестал улыбаться. Колёса отбили длинную дробь на стрелке, вагон качнуло, абажур бросил на стены пляшущие тени, и собственные слова донеслись до меня откуда-то со стороны, чужим голосом.

— Ника, — голос светлого стал ниже, бархатистей. — Вы выпили.

— Я выпила пару стаканов шампанского. Я помню, как вас зовут, помню, куда еду, и прекрасно помню, кто я такая. Я знаю, что делаю.

Глеб опустил бутылку на стол бережно, как ставят ловушку на птицу.

— Тогда произнеси вслух, чего ты хочешь.

Он не помогал мне. Нарочно. Я чувствовала, что последний шаг он оставил за мной, и от этого лицо полыхнуло. Слова так и не нашла. Зато нашла его ворот: схватила тёмную рубашку в кулак, потянула на себя и поцеловала.

Он поддался на мгновение, позволил мне быть первой, и тут же перехватил поцелуй. Губы у него были твёрдыми и горячими, щетина царапнула подбородок, ладонь легла мне на затылок, пальцы зарылись в волосы и сжались в кулак, за-

прокидывая мне голову. Он целовал так, будто давно этого ждал. Глубоко и требовательно, раздвигая мои губы языком, проникая всё дальше, пробуя и забирая, и я впервые в жизни ответила на поцелуй всем телом сразу: грудью, животом, коленями, которые сами качнулись к нему. У меня закружилась голова. Стас целовался аккуратно, чуть влажно, вежливо стучался в дверь. Глеб в двери не стучал. Глеб их выносил с петлями.

Где-то за спиной щёлкнул замок. Матвей, оказывается, успел подняться, запереть купе и опустить шторку на окне, и теперь вернулся, опустился на диван у меня за спиной. Его колени легли по обе стороны от моих бёдер, грудь притиснулась к лопаткам, и грубая вязка царапала голую кожу.

Его губы опустились на мою шею, туда, где она переходит в плечо. Сначала едва касаясь, затем сильнее, с прикусом, и от этого прикуса всё моё тело дёрнулось, как от разряда тока. Я застонала прямо в рот Глебу. Без всякого притворства, звук вырвался, и я даже не успела его поймать. Глеб оторвался от моих губ, и в тёмных глазах сверкнула злая весёлая искра.

— Рыба, говоришь, — выдохнул он.

Я ответила тем, что опять притянула его к себе.

Матвей подцепил пальцами тонкую бретель и спустил её с плеча. Потом вторую. Атлас заскользил вниз, на мгновение задержался на груди, и Глеб одним рывком сдёрнул его до пояса. Я осталась между ними обнажённой до талии, под

жёлтым кругом лампы, и под их взглядами соски у меня застыли так, что стало почти больно.

Мне полагалось смутиться. Прикрыться ладонями, отвернуться. Со Стасом я всегда гасила свет и пряталась под одеяло. Но Глеб глядел на меня так, что прятаться не хотелось. Он глядел жадно, не скрывая, как у него ходят желваки, и под этим взглядом я расправила плечи, подставляя ему грудь.

Ладони Матвея скользнули из-за моей спины вперёд и накрыли её. Большие, тёплые, чуть шершавые от работы. Он сжал их и провёл подушечками больших пальцев по соскам. Один раз. Другой. Я задохнулась. Он поймал их пальцами, сжал, покатал, чуть оттянул на себя, и острое сладкое ощущение прострелило меня от груди в самую глубину, туда, где всё стянулось в тугий узел и потекло. Я и не знала, что грудь может так отзываться. Стас касался её мимоходом, как ручки двери, по пути к главному. А Матвей не торопился к главному. Он словно задался целью выяснить, сколько можно выжать из одного прикосновения: то едва задевал сосок краем ногтя, то накрывал всю грудь горячей ладонью и держал, не шевелясь, пока я сама не начинала тереться о его руку, то стискивал так, что я шипела сквозь зубы и подавалась навстречу, прося ещё.

Я откинула голову ему на плечо. Его дыхание обжигало мне ухо, частое и шумное, и по нему я понимала, что он заводится от каждого моего вздоха не меньше, чем я от его

пальцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.